

ПОНЯТИЕ ЭТИЧЕСКОГО КОДА В ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ ИСТОРИИ

Ю. Г. Полетаева

Уральский государственный аграрный университет

Поступила в редакцию 25 января 2021 г.

Аннотация: рассматривается вопрос о значении понятия этического кода для разработки объяснительной модели истории. Такой подход связан с трактовкой роли понятия индивидуального в методологии исторического познания. Историческая индивидуальность, являясь структурно-смысловой составляющей исторического процесса, несет в себе содержание строения исторического процесса как особого состояния социальных систем. В этом смысле историю можно исследовать в качестве семиотической системы, совокупности текстов различной сложности и содержания. История становится «произведением», осуществляемым по определенным правилам. Утверждается, что в этом отношении историческая индивидуальность обуславливает изменения структурных и смысловых связей. Назначение этического кода по отношению к истории, понятой как семиотическая система, заключается в формировании правил осмысления понимания и истолкования, создании правил конструирования новых структурных и смысловых связей.

Ключевые слова: этический код, история, историческая индивидуальность, культура, текст.

Abstract: the question of the meaning of the concept of an ethical code for the development of an explanatory model of history is considered. This approach is associated with the interpretation of the role of the concept of the individual in the methodology of historical knowledge. Historical individuality, being a structural and semantic component of the historical process, carries a content about the structure of the historical process as a special state of social systems. In this sense, history can be studied as a semiotic system, an aggregate of texts of varying complexity and content. History becomes a "work" carried out according to certain rules. It is argued that, in this respect, historical individuality determines changes in structural and semantic connections. The purpose of the ethical code in relation to history, understood as a semiotic system, is to form the rules of comprehension, understanding and interpretation, to create rules for constructing new structural and semantic connections.

Key words: ethical code, history, historical personality, culture, text.

Каждый шаг человека на пути к свободе можно рассматривать как временное освобождение от власти прошлого. Но освобождение от детерминирующего влияния «силовой» причинности не означает отсутствия детерминации как таковой. Побудительным мотивом действия, которое отвечает критерию историчности и которому индивид должен подчинить все свои силы и волю, является не цель, не идеальный образ желаемого будущего, выражаемый в виде программы или лозунга. Таким мотивом

выступает свобода, движение к которой – а это и есть, собственно, сам исторический процесс – проходит через узловые точки разрывов, точки раздвоения и выбора, всякий раз осуществляемого человеком в соответствии с теми ценностями, с которыми, говоря словами Риккерта, «соотнесено» единство, образующее его историческую индивидуальность [1, с. 222].

Образующие этический код истории правила по своей сути есть техническое – нормы и образцы (стереотипы), способствующие структурированию и организации социальных процессов, приданию им характера системы, функционирующей в соответствии с заданными параметрами. Но эти же нормы и образцы имеют символический смысл (содержание), «отнесены» к ценностям. Аксиологическое и рациональное – только аспекты в соотношении технического и символического, фиксирующие различные меры их соотнесенности. В первом случае (аксиологическое) фокусом данного соотношения выступает историческая индивидуальность и связанный с нею ряд атрибутов: время, целевая причинность, свобода, спонтанность, разнообразие, открытая динамическая система и т. п. Во втором случае (рациональное) фокусом соотношения технического и символического является некий сверхсубъект («Техника», мировой дух, естественно-историческая закономерность) с такими атрибутами, соответственно, как пространство, «силовая» (линейная – «от... к») причинность, закон, регулярность, порядок, закрытая вертикально (жестко) организованная система.

Этический код, история как произведение (совокупность текстов), человек (люди) как непосредственные участники и свидетели (наблюдатели, зрители) исторического процесса – всё это элементы социальной коммуникации, получающие определенное выражение (форму, а также содержание и смысл) в зависимости от модели социальной коммуникации и, соответственно, выполняемой ими в рамках то или иной модели функции. Первая (гносеологическая) модель является двухмерной. Коммуникация как процесс разворачивается в евклидовом пространстве, заключенном между полюсом реальности, с одной стороны, и полюсом, на котором размещены человеческие индивиды (люди), – с другой. Между ними движется код, который на стороне реальности выступает как структура этой реальности. Эта структура задает набор правил, согласно которым строятся представления, в том числе «историческая картина мира». Когда код находится на противоположной стороне («наделенные сознанием индивиды», «люди»), он выступает как совокупность норм и образцов (стереотипов), по мерке которых люди с помощью целерациональной деятельности формируют историческую реальность. Двухмерная модель социальной коммуникации связана с «геометризацией» пространства и «опространствливанием» времени и предполагает особую роль сверхсубъекта как субстанциальной причины движения и изменения. В рамках этой модели представление («картина мира») и субъект сосуществуют в пространстве как независимые друг от друга, гетерогенные образования, связанные функционально: структура реальности и

структура деятельности. Распавшийся на функциональные элементы код представляет собой «рассеянное» единство, которое сдвигается в «подземелье» евклидова пространства, где размещается сфера невидимых «сущностей». Он становится «отсутствующей структурой», относительно которой можно выдвигать различные, даже исключаящие друг друга гипотезы [2, с. 331–335]. Поэтому идея истории как процесса, совершающегося независимо от сознания и воли людей, мирно соседствует с идеей истории как продукта сознательных усилий выдающихся личностей.

Вторая (семиотическая) модель социальной коммуникации имеет трехмерное строение. Помимо двух традиционных полюсов («наделенные сознанием индивиды» и «реальность») она предполагает третий – историческую индивидуальность (семиотическую систему). Наличие последней является условием, позволяющим разомкнуть евклидово пространство вглубь и преодолеть дихотомичность гносеологического подхода к структуре (коду): или объективное – или субъективное. Достигается это за счет того, что историческая индивидуальность, обладающая сверхсложной организацией по сравнению со средой, наделяется функцией дополнительного кода. Она, как говорит У. Эко, меняет обстоятельства коммуникации: возникает не просто возможность выбирать между двумя или несколькими кодами, но само присутствие исторической индивидуальности как сверхсложной семиотической системы ориентирует на выбор соответствующего (дополнительного) кода [там же, с. 89]. Историческая индивидуальность играет роль, сходную с действием аттрактора на систему, находящуюся в точке бифуркации. Ситуация плюрализма кодов и возможности выбора существенно меняет характер коммуникации – из процесса социальной репродукции она превращается в процесс творческого самоосуществления личности. Этому превращению сопутствует и переосмысление роли и сущности кода: то, что ранее представало как естественная граница человеческого бытия, теперь выступает в роли технического средства искусственного конструирования новой реальности. Новое истолкование кода, соотношения естественного и искусственного, объективно обусловленного и конвенционального является основой для преодоления конфликта между техникой и жизнью и приводит к пониманию истории как процесса развертывания жизни в формах техники, как процесса, в котором переплетается в единое целое конструирование предметных форм бытия и свободное самоосуществление человека.

По исходному замыслу, концепция исторической индивидуальности должна была составить теоретическую основу для формирования методологии научной историографии. Но, в силу сказанного выше, можно утверждать, что она имеет и более широкое значение. Понятие исторической индивидуальности не только задает категориальный ракурс, в котором бытие человека, равно как и другие события и явления исторической действительности, имеющие статус однократных и уникальных, выступают в качестве предмета теоретического описания. В еще большей степени оно указывает на новый тип системности – открытые динами-

ческие системы, характеризующиеся множественностью, сложностью и необратимостью (темпоральностью) [3, с. 40]. Выше мы разобрали вопрос о связи индивидуальности с множественностью (разнообразием). Выдвижение на первый план философских и научных дискуссий проблемы исторической индивидуальности привело к коренному пересмотру основоположений атомистической картины мира. Неделимость, с античных времен считавшаяся критерием элементарного и простого, в контексте новой онтологии стала синонимом сложного. Более того, соотношение простого и сложного рассматривается сегодня не в структурном аспекте (элементы, связи между ними, наличие различных уровней организации), как это было прежде. С синергетической точки зрения, понятие сложного определяет меру внутреннего потенциала системы, обуславливающего ее способность к самоорганизации и спонтанному обновлению. И тогда, соответственно, различие простого и сложного раскрывается как различие искусственного (технического) и естественного (живого). «Искусственное может быть детерминированным и обратимым. Естественное же непременно содержит элементы случайности и необратимости. Это замечание приводит нас к новому взгляду на роль материи во Вселенной. Материя – более не пассивная субстанция, опи сываемая в рамках механистической картины мира, ей также свойственна спонтанная активность» [там же, с. 50].

Рассматривая соотношение простого и сложного на материале истории культуры, Ю. М. Лотман обратил внимание на вторичность простого, его производность от сложного. Простое есть результат сознательного отказа от сложного («не-сложность»). Суть этого отказа заключается в том, что простое возникает не вследствие разложения или распада сложного на составные элементы, но в процессе его переработки на основе определенных принципов. При этом сложное будет выступать в роли фона, или контекста, организующего восприятие простого как упрощенного сложного [4, с. 38–40]. Впоследствии он углубил свой подход, разработав понятие семиотической монады – особого рода открытой системы, обладающей имманентной структурой, границами, «входом» и «выходом». Ее качественная особенность – самодостаточность и способность к порождению нового. При этом семиотическая монада «присутствует» на любом уровне организации: в качестве такой монады может рассматриваться культура в целом, отдельный культурный текст, а также человеческая личность, представленная в виде текста. Примечательным свойством семиотической монады является ее способность входить в качестве субкультуры в различные монады, быть частью различных других целостностей. Это ее свойство быть одновременно автономной (себетождественной) и не тождественной себе (в качестве частей других целостностей) свидетельствует о сложности ее внутренней структуры (организации). Сочетая качества части и целого, семиотическая монада в своем поведении обнаруживает сходство с личностью. «Сохраняя определенную осторожность, можно утверждать параллель между семиотическими монадами и понятием личности, поскольку и им присуща в определенной мере

автономность поведения. <...> Монада, которая как часть подчиняется строгим законам детерминации, как целое, как “личность” обладает возможностью выбора и определенным запасом непредсказуемости... Чем сложнее организована монада, тем автономнее ее поведение, тем более непредсказуемости она вносит в систему в целом. Такая организация обладает огромной информационной емкостью и фактически неограниченными возможностями саморазвития» [5, с. 645].

То обстоятельство, что и семиотические, и социальные системы, а тем более действующие в истории социальные акторы (личности и группы) в равной степени относятся к информационным системам, более того – к системам с рефлексией, позволяет сделать вывод, что понятие исторической индивидуальности может быть использовано как объяснительная модель, позволяющая отождествить функционирование открытых динамических систем с поведением личности. Но для нас не менее важно и обратное предположение – о сопоставимости, относительной тождественности между поведением личности в истории и функционированием открытых динамических систем. За последние десятилетия в области синергетики, теории систем, семиотики, истории культуры, истории литературы, социальной психологии накоплен серьезный теоретико-методологический потенциал, связанный с разработкой постклассических детерминистских представлений, нелинейных моделей социальной эволюции и т. п. Этот потенциал может составить основу формирования метатеории, необходимой для того, чтобы перейти к научному описанию нелинейных, уникальных, единичных и случайных явлений (событий, процессов) в сфере социальных и гуманитарных наук [6, с. 127].

Представляется, что поставленная неокантианцами проблема теоретического описания уникального и случайного в истории перерастает в проблему описания времени. При этом время не должно рассматриваться как нечто вытекающее из необратимости нелинейных процессов или сопутствующее им. В указанном ракурсе время по-прежнему предстает как формальное условие опыта, предписывающее фиксировать (а по существу – оценивать) то или иное событие с помощью иерархической шкалы качеств, от «низшего» (малоценного) к «высшему», обладающему предельной ценностью. Переход от геометрически-пространственного образа времени, выработанного классической метафизикой, к аксиологически-размерному – паллиатив, отводящий времени значение следствия, чего-то вторичного и производного. Простое отождествление времени с необратимостью также, на наш взгляд, является лишь видимостью решения проблемы. Действительный поворот в интерпретации времени следует искать в идеях принципиального противника классической метафизики – Канта. Ведь «первый и единственный, кто продвинулся на какой-то отрезок исследовательского пути в направлении к измерению темпоральности, ... был *Кант*» [7, с. 23]. В отличие от пространства, принадлежащего миру природы с присущим ему типом «силовой» причинности (от действия – к следствию), время принадлежит миру

свободы, осуществляемой по закону целевой причинности. Внутренняя связь проблемы времени с телеологией была одной из причин, вызвавших «геометризацию» времени в классической метафизике и науке, фактическую элиминацию этой проблемы. Заслугой Канта является попытка найти основания свободы и, соответственно, времени не в природе, не в том или ином устройстве субстанции, а в телеологическом действии. Свободным человека делает его собственная решимость быть свободным. И, продолжая эту мысль, можно сказать, что только свободное действие индивида «запускает» время истории, только в этом действии исторического становления индивид приобретает качество быть исторической индивидуальностью, сам становится ею [8, с. 28].

Кантовский подход к проблеме времени получил развитие у Риккерт, который связал время с исторической индивидуальностью, действующей в условиях неопределенности, когда ослабляется действенность «силовой» причинности. «Единство, разворачивая телеологическое отношение, представляется каузальным и обусловленным временем единством. При этом “causa finalis” всегда бывает действующей причиной». Речь идет, во-первых, о том, что в отсутствие детерминирующих воздействий цель становится каузальным фактором – не только конечной причиной, но и действующей. А во-вторых, о том, что в рамках возникающего телеологического отношения, т. е. в процессе превращения цели в двуединую (конечную, finalis, и действующую, efficiens) причину, единство (или) представляется как нечто обусловленное временем. При этом под «единством» понимается историческая индивидуальность, взятая одновременно как целое и как часть целого более высокого порядка. Ситуации неопределенности складываются под воздействием ряда факторов, к числу которых относятся нарушения динамического равновесия в функционировании систем, нелинейный характер процессов, возникновение точек бифуркации, но главным образом – появление исторической индивидуальности, внутренняя организация которой обладает высокой степенью сложности. Само появление такой индивидуальности, сверхсложной (по отношению к уровню организации системы) «монады», используя термин Ю. М. Лотмана, становится фактором риска для стационарного режима системы. Описания такого рода ситуаций мы находим уже в русской литературе первой четверти XIX в.: появление Чацкого в московском доме Фамусова, а Онегина – в провинциальной помещичьей усадьбе Лариных вызывает резкое, неожиданное и почти мгновенное нарушение привычного хода событий, реструктурируя отношения и ускоряя ход времени. Причем ситуации неопределенности сегодня – факт не только литературы или философии как науки о духе, но и «царицы» естествознания, физики. «Современная молекулярная физика знает понятие “дырки”, которое совсем не равнозначно отсутствию материи. Это – отсутствие материи в положении, подразумевающим ее присутствие. В этих условиях дырка ведет себя настолько материально, что можно измерить ее вес, – разумеется, в отрицательных величинах» [9, с. 43].

Литература

1. Риккерт Г. Границы естественно-научного образования понятий / Г. Риккерт. – СПб. : Наука, 1997. – 529 с.
2. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – М. : Петрополис, 1998. – 432 с.
3. Пригожин И. Порядок из хаоса : новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1986. – 431 с.
4. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. – СПб. : Искусство, 1996. – С. 18–52.
5. Лотман Ю. М. Культура как субъект и сама-себе-объект / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб. : Искусство, 2001. – С. 639–647.
6. Скоробогачкий В. В. Анти-Сизиф, или Человек в зеркале философии / В. В. Скоробогачкий. – Екатеринбург : Урал. акад. гос. службы, 2008. – 480 с.
7. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М. : Академ. проект, 2015. – 460 с.
8. Полетаева Ю. Г. Специфика этической нормативности в контексте становления цивилизации / Ю. Г. Полетаева // European Social Science Journal. – 2013. – № 7 (35). – С. 27–34.
9. Лотман Ю. М. Символ в системе / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М. : Языки рус. культуры, 1996. – С. 146–160.

Уральский государственный аграрный Университет

Полетаева Ю. Г., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории

E-mail: jpkamch@gmail.com

Ural State Agricultural University

Poletaeva Yu. G., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and History

E-mail: jpkamch@gmail.com